

Автором «сказания», по мнению С. Елеонского, мог быть один из ставленников, на что указывает форма заключительной пародии. Не возражая против этого предположения по существу, думаю, однако, что идеологическая установка «сказания» является в данном случае гораздо более надежной опорой при определении автора, чем литературное оформление. Так примитивно и поверхностно использовать церковную форму, как это сделано в «смешном икосе», мог, конечно, любой грамотный человек в ту эпоху.¹ Не только сам ставленник, но и те, кто его посылал, знали часто повторявшуюся в акафисте формулу, да и название этого акафиста «смешным икосом» не свидетельствует ни о каких профессиональных навыках автора. В конце концов вопрос о том, сам ли ставленник, обобранный московским попом, излил свое негодование в сатирическом «сказании», или это сделал свидетель злоключений его и его сотоварищей — не так важен, и рациональнее формулировать его иначе: из какого социального слоя московского общества второй половины XVII в. могла выйти сатира с таким настроением и в такой литературной форме, какую находим в «сказании о попе Савве»?

Те группы городского духовенства, которые в это время боролись с церковными не порядками путем обличений, вряд ли прибегли бы к «смешному икосу» и довольно юмористическому изображению наказанного попа, очутившегося вместо своей «перины» на «рогожине». Не только литературная речь, но и самая манера изображения у этих «оппозиционеров» была бы иная.

Но ведь критическое отношение к духовенству в это время было распространено и среди тех широких масс крестьянского и посадского населения, которые и сами страдали от жадности духовенства не меньше своих ставленников. Это они — эти многочисленные «пасомые» — к XVII в. сложили о своих пастырях ряд весьма нелестных пословиц, большинство которых говорит либо о жадности, либо о пьянстве духовенства. Недаром любимая рифма в этих пословицах к слову «поп» — «клоп». «Попам да клопам жить добро», «Попы паствятся над мертвым, а клопы над живым», «Поп кабы поп, да лиха попадь», «Кому тошно, а попу в мошно», «Хорошо попам да поповичам, дураками их зовут, да пирогами им дают» (Симони, 1, 1900—1904, 1348, 2476); «Не грози попу плешью, у попа плешь

¹ И. Забелин (История города Москвы. М., 1902, стр. 623—624) относит повесть о попе Савве к группе «смехотворных и кощунственных статей», в ней «отражается сочинительство досужих и неистовых церковников» — так называет Забелин прославившихся в Москве в XVI—XVII вв. своим беспутным поведением так наз. «безместных» попов.